

C-232 y.n

461560

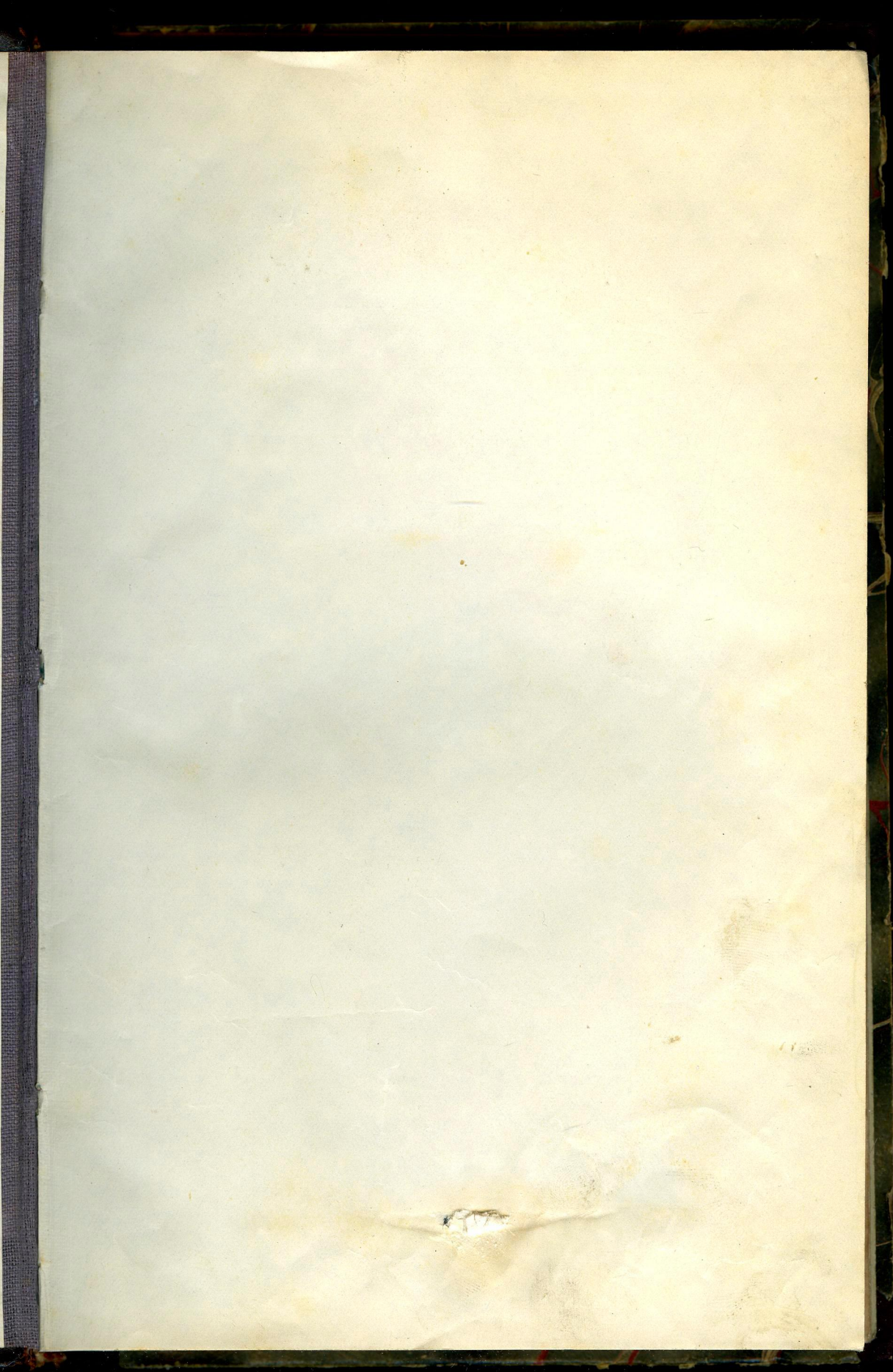
411

V.N. Karazin Kharkiv National University

00754467 1

28. i.

2303

28

2303

СБОРНИКЪ

УКРАИНСКИХЪ ПЪСЕНЬ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

МИХАЙЛОМЪ МАКСИМОВИЧЕМЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

КІЕВЪ.

Въ Типографіи Θεοφίλα Глигсберга.

1849.

C-232-у.п.

~~287.~~
~~2303~~

СБОРНИКЪ

УКРАИНСКИХЪ ПЪСЕНЬ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

МИХАЙЛОМЪ МАКСИМОВИЧЕМЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

КІЕВЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ ТЕОФИЛА ГЛІКСБЕРГА.

1849.

58

461560

~~1910~~
~~95~~ 1907

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цен-
сурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Кіевъ.
1845 Мая 23 дня.

Ценсоръ А. Оедотовъ - Чеховскій.

(Цѣна 75 коп. сереб.)

*Въ продолженіе двадцати лѣтъ я собиралъ украинскія народныя пѣсни; и теперь приступаю къ новому, полнѣйшему ихъ изданію. Это изданіе, для отличія отъ двухъ прежнихъ, * я называю Сборникомъ Украинскихъ Пѣсень. Не могу иначе выдать его, какъ по частямъ. Каждая часть будетъ содержать въ себѣ одинъ отдѣлъ пѣсень мужскихъ, и одинъ или два женскихъ. Въ шести частяхъ будетъ помѣщено около двухъ тысячъ пѣсень. Половина ихъ собрана мною самимъ, преимущественно въ Полтавской губерніи. Другая половина ихъ и множество вариантовъ получены мною отъ разныхъ лицъ, со всѣхъ концовъ Южной Руси. ** Приношу мою*

** Первое изданіе я напечаталъ въ Москвѣ, 1827 года, подъ названіемъ Малороссійскія Пѣсни; а второе напечатано тамъ-же, 1834 года, подъ названіемъ Украинскія Народныя Пѣсни. Въ первомъ было помѣщено 150 пѣсень мужскихъ и женскихъ; во второмъ 115 пѣсень мужскихъ.—Кромѣ того въ 1834 году я издалъ въ Москвѣ Голоса Украинскихъ Пѣсень (25 пѣсень съ музыкою А. А. Алябьева).*

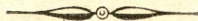
*** Сюда принадлежитъ и собраніе Рускихъ пѣсень, преимущественно Волынскихъ оставшееся послѣ покойнаго З. Я. Ходковского. Оно куплено мною у его вдовы, и понынѣ находится у меня, какъ въ собственноручномъ подлинникѣ, такъ и въ копіи, переписанной въ Москвѣ, вскорѣ по смерти собирателя.*

благодарность вѣстѣ, кто оказалъ мнѣ свое участіе въ этомъ Сборникѣ.

Къ каждому отдѣлу его я прилагаю нѣсколько пояснительныхъ примѣчаній. При шестой части я изложу особо мои наблюденія и замѣчанія о народномъ пѣнопѣніи рускомъ вообще, и въ особенности о пѣнопѣніи украинскомъ.

Но въ дѣлѣ искусства важенъ судъ художника; и потому я припомню здѣсь моимъ читателямъ мнѣніе Гоголя, * котораго поэтическое дарованіе взлелѣяно звуками украинскихъ пѣсень.

„Камень съ краснорѣчивымъ рельефомъ, съ историческою надписью — ничто противъ этой живой, говорящей, звучащей о прошедшемъ летописи. Въ этомъ отношеніи пѣсни для Малороссіи — все: поэзія и исторія и отцовская могила. Кто не проникнулъ въ нихъ глубоко, тотъ ничего не узнаетъ о протекшемъ бытіи этой цвѣтущей части Россіи.“

* См. статью Гоголя о Малороссійскихъ Пѣняхъ, въ Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1834 г. Кн. 4.

СБОРНИКЪ
УКРАИНСКИХЪ ПѢСЕНЬ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

УКРАИНСКІЯ ДУМЫ.

THE NEW YORK

PUBLIC LIBRARY

ASTOR LENOX

TILDEN FOUNDATION

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Думы отъ прочихъ украинскихъ пѣсень отличаются разнообразною, вольною мѣрою своихъ стиховъ, слагающихся изъ неравнаго числа тоническихъ стопъ, и въ неопредѣленномъ числѣ слоговъ (отъ 4 до 20, и даже больше). Такая *разномѣрность* стиха состоитъ въ связи съ *эпическимъ* свойствомъ украинской думы, которая лишь изрѣдка вдается въ *лирическій* тонъ пѣсни, принимая тогда и опредѣленный, пѣсенный размеръ.

Разномѣрнымъ складомъ стиховъ, украинскія думы отличны и отъ ведикорусскихъ повѣствовательныхъ пѣсень, и отъ *юнацкихъ* пѣсень сербскихъ, такъ строго выдерживающихъ 10-слоговую мѣру стиха. — Отъ тѣхъ и другихъ украинскія думы отличаются еще *рифмою*, столь привычною для пѣснопѣнія южнорускаго. Рѣдко встрѣчается въ думѣ стихъ безъ отвѣтнаго и созвучнаго ему стиха; чаще бываетъ ихъ по нѣскольку (до 10) на одну рифму. Зачатки такого склада можно примѣтить въ Пѣсни о полку Игоревѣ, * съ которою украинскія думы состоятъ въ ближайшемъ родствѣ, и посредствомъ которой онѣ примыкаютъ къ древнѣйшему южнорускому пѣснопѣнію, къ сожалѣнію утраченному.

Думы принадлежатъ исключительно украинскимъ *бандуристамъ*, которые и теперь еще встрѣчаются изрѣдка на лѣвой

* Наприм. въ слѣдующихъ стихахъ, вѣроятно Бояновыхъ:

„Всеславъ князь людемъ судаше,
Княземъ грады рядаше,
А самъ въ ночь вълкомъ рыскаше.“

сторонѣ Дитѣра.* Подобно рапсодамъ древней Греціи, которые воспѣвали своихъ героевъ, бряцаая на струнахъ лиры или пандуры,—наши южнорускіе пѣвцы, обыкновенно слѣпые старцы, пѣли и теперь еще поютъ въ народѣ свои думы и пѣсни, играя при томъ на многострунной *бандурѣ*, обѣими руками. Такъ и нашъ „соловей стараго времени — Боянъ: не десять соколовъ на стадо лебедей пускалъ; но свои вѣщіе персты на живыя струны вскладать; и онѣ сами славу князьямъ рокотали!“

Южнорускіе пѣвцы, и черезъ четыре вѣка послѣ Бояна **, славили подвиги храбраго *товариства* козацкаго и украинскихъ витязей, между которыми были и князья рускіе, какъ напримѣръ, князь Дмитрій Вишневецкій, погибшій такою дивною смертію въ Царѣгородѣ (1574 года), и воспѣваемый въ народѣ донинѣ—подъ именемъ рыцаря Байды.

Вѣка 16-й и 17-й были временемъ процвѣтанія украинской думы. Въ прошломъ вѣкѣ, только Палѣй съ Мазепою—послѣ Полтавской побѣды, да Желѣзнякъ—послѣ Колѣвинщины (1768 года)—отозвались слабо въ стихахъ думныхъ; хотя пѣсня украинская жила еще производительно до конца 18-го вѣка. Послѣ того, на усталыхъ струнахъ украинской бандуры, повторялось только прежнее, иногда съ передѣлкою на новый ладъ.

Впрочемъ, историческія лица и воинскіе подвиги составляли хотя главный, но не единственный предметъ украинской думы. Любила она и семейную жизнь; и нерѣдко воспѣвала отношенія и чувства родственныя, въ поученіе своему народу.

* На правой сторонѣ Дитѣра, вмѣсто бандуристовъ, ведутся *лирички*.

** Боянъ, воспѣвавшій Всеслава Полоцкаго и другихъ князей, жилъ въ концѣ 11-го и въ началѣ 12-го вѣка (былъ современникъ Нестора).

Украинскій бандуристъ не былъ забавникомъ и скоморохомъ. Потѣшивъ иногда молодѣжь краткимъ сказаньемъ объ удали козацкой, онъ внушалъ ей простодушныя, но глубоко - нравственныя понятія о томъ, что составляетъ святой долгъ человека. Строгая, иногда до суровости, дума бандуриста чуждалась даже любви между козакомъ и дѣвицею.

Впрочемъ народъ самъ былъ пѣвецъ; и въ тысячахъ пѣсень высказывалъ свою любовь и нелюбѣ, свою радость и горе, свою тоску и веселье. Но пѣніе бандуристовъ служило дополненіемъ къ пѣснопѣнію народа, — также какъ оно само составляетъ необходимое дополненіе къ будничной, работной жизни народа. Эта жизнь безъ пѣсни — была бы какъ *волъ молющій*. И не потому ли у рускаго народа жить хорошо называется *жить припѣваючи*! —

Въ книжцѣ свѣтѣ, украинскія думы стали извѣстны 1819 года, когда князь Цертелевъ издалъ девять думъ и одну пѣсню, подъ названьемъ: *Опытъ собранія старинныхъ малороссійскихъ пѣсней*. Послѣ того Срезневскій, въ своей *Запорожской старинѣ* (1833-34 г.), и другіе Малороссіяне, издали еще около десяти думъ. Мы извѣстно ихъ до 30. Здѣсь помѣщаются слѣдующія 20 думъ. Тѣ, которыя нигдѣ не напечатаны, означены звѣздочкою. —

1. Отъѣздъ козака изъ родины.
2. Тоска сестры по братѣ.
3. Невольники.
- * 4. Схватка козака съ Татаринномъ.
- 5 Козакъ Голота.
- * 6. Три брата.
7. Побѣгъ трехъ братьевъ изъ Азова.
8. На смерть атамана Федора Безроднаго.

9. На Черноморскій походъ гетмана Серпяги (1577 г.)
 10. На возвращеніе изъ плѣна Самойла Кушки (1588 г.)
 11. Черноморская буря.
 12. На побѣду Чигиринскую (1596 г.).
 13. Походъ на Поляковъ (1637 г.).
 14. О Хмельницкомъ и Барабашѣ (1647 г.).
 - *15. На побѣду Корсунскую (1648 г.).
 16. На походъ Хмельницкаго въ Молдавію (1649 г.).
 - *17. Объ Украинцахъ послѣ Бѣлоцерковскаго мира (1652 г.)
 18. На смерть Хмельницкаго (1657 г.).
 19. Объ Иванѣ Коновченкѣ (1684 г.).
 20. О Палѣ и Мазенѣ (1709 г.).
-

1.

Отъѣздъ козака изъ родины. ¹

Въ недѣлю рано-порано не во всѣ дзвоны звонили,
Якъ у вдовинѣмъ дому гомонѣли.

Лихій вѣтчимъ козаченька молодого лае;
Мати сыну слѣзно промовляє:

„Иди ты, сыну, мѣжъ чужій люде,
Чи не лучше тобѣ на чужинѣ буде!

Нехай тебе чужій батько, сыноньку, не лае,
Счастья твого козацького навѣкъ не збавляє!

Тяжко, тяжело менѣ тебе зъ дому одправляти,
Аще тяжче бѣля себе въ знегѣдѣ держати!

Хочъ пойдешъ ты на чужину, слѣзы менѣ лити;
Хочъ zostавлю тебе, сыну, по всякъ часъ тужити!“

То старшая сестра коненька выводить,

А середульша зброю выносить,

Що найменьша рыдае,

Словами промовляє:

„Изъ якой тебе, брате,

Сторононьки ждати: ²

1. На этотъ предметъ, столь обыкновенный и вмѣстѣ столь значительный въ прежней Украинѣ, сложено множество пѣсень. Одна изъ нихъ (*Гомѣнь гомѣнь по дубровѣ...*) сходна съ этою думою; но которая изъ нихъ послужила образцомъ, рѣшить трудно.

2. Эти три сторононьки означены здѣсь вслѣдствіе любимого

Чи одъ чистого поля,
 Чи одъ Чорного моря,
 Чи одъ славного Запорожя? “

— Вѣзьми ты, сестро, жовтого пѣску,
 Да поспѣй ты, сестро, на бѣлому камнѣ: ³
 Коли буде жовтый пѣсокъ виростати,
 Зеленымъ барвѣнкомъ камѣнь устилати, ⁴
 Въ той часъ буду, сестро, до васъ прибувати!
 Бо якъ тяжко на безвѣдѣ рыбѣ пробувати,
 Такъ тяжко на чужинѣ безрѣдному проживати! “

То тее промовлявъ, на коня сѣдавъ, опрощенье
 прїймавъ;
 Смутно зъ двора отцевського козакъ выѣзжавъ.
 Довго воны на могилѣ краѣ села стояли;
 Довго, довго козаченька вѣчми проважали;
 А ще довше воны ѣго дома оплакали.

въ народной русской поэзіи представленія *о трехъ дороженькахъ*;
 (да и въ отношеніи къ другимъ предметамъ, число *три* господ-
 ствуетъ въ поэзіи украинской).

3. Какъ поэтически этимъ *посѣвомъ* выражена невозвратность!
 Подобное изображеніе несбыточности— другими предметами, встрѣ-
 тимъ не разъ въ пѣсняхъ украинскихъ.

4. *Барвѣнокъ* (vinca), которому присвоено названіе *хреца-
 таго* и *зеленаго*, стелется по землѣ на всѣ четыре стороны,
 и отличается густою, постоянною зеленью своихъ листьевъ. Это
 одно изъ любимѣйшихъ растений на Украинѣ, играющее важную
 роль въ народныхъ обрядахъ, и составляющее собою символъ
вѣрности и постоянства.

2.

Тоска сестры по братѣ.

Не сизая зозуленька въ темнѣмъ лузѣ ковала,⁵

Не дробная пташка въ саду щебетала;

Сестра зѣ братомъ издалѣка розмовляла,

Поклонъ посылала.

„Братѣку мѣй милый,

Якѣ голубонько сизый!

Прійди до мене изъ чужой стороны;

Посѣти мене при лихой годинѣ!“

— Сестро моя рѣдненька,

Якѣ голубонька сизенька!

Якѣ я маю прибувати,

Тебе навѣщати,

За темными за лѣсами,

За дальными за степами,

За быстрыми за водами? —

„Черезъ темный лѣсъ—яснымъ соколомъ лети;⁶

Черезъ быстрый воды—бѣлымъ лебедемъ плыви;

5. Зозуля (кукушка) — птица сиротствующая въ самой природѣ, лишенная радости насживать свое гнѣздо—составляетъ издревле въ народной русской поэзіи символъ сиротства и родственной негали. Въ украинскомъ пѣснопѣіи она является непрестанно, какъ олицетворенная печаль матери по сынѣ, сестры по братѣ, жены по мужѣ, и т. д. Въ народномъ повѣрьи кукушкѣ придаютъ еще свойство *впѣсаванья* и *прорицанья*.

6. Народная поэзія любитъ изображеніе своихъ предметовъ живыми предметами природы. — Нельзя не указать въ этой думѣ на

Черезъ стѣны далекій — перепѣлочкомъ бѣжи;
На моѣмъ, брате, подвѣрьѣ — ты голубонькомъ пади,
Добре слово взговори,

Чужй, брате, сестры зъ дому Божого идуть, ⁷

Всѣ якъ бджѣлочки гудуть,
На хлѣбъ, на сѣль людей закликають;
Мене-жъ, брате, словомъ не займають,
Мовъ въ вѣчи не знають!

А якъ коли - съ зъ нами хлѣбъ - сѡль поважали....

Въ той часъ кумами, побратимами звали!

**А якъ пристигла несчастлива година,
Названа и кровна одреклась родина!**"

3.

Невольники.

У святу недѣлю, не сизы орлы заклекотали,
Якъ то бѣдны невольники у тяжкѣй неволѣ запла-
кали,

уподобленіє козака нѣськолькимъ птицамъ, сообразно различнымъ мѣстамъ, по которымъ онъ стремится (въ воображеніи его сестры). Это напоминаетъ то мѣсто въ Пѣсни о полку Игоревѣ, гдѣ — „Игорь князь поскочи горностаемъ къ тростію, и бѣлымъ гоголемъ на воду... и полетѣ соколомъ подъ мѣглами.“

7. Въ праздники всего живѣе чувствуется наше сиротство на родинѣ и безродье на чужбинѣ. Потому украинская поэзія, для изображенія разлуки, осиротѣнія и подобныхъ положеній, избираетъ обыкновенно праздничный день — *святу недѣлю*.

Угору руки підіймали, кайданами забряжчали; ⁸
 Господа милосердного прохали да благали:

„Подай намъ, Господи, зъ неба дробень дождикъ,
 А зъ низу буйный вѣтеръ!

Хочай-бы ⁹ чи не встала на Чорному морю быстрая
 хвиля;

Хочай-бы чи не повывала якорѣвъ зъ турецькой
 каторги! ¹⁰

Да ўже ся намъ турецька - бусурманська каторга
 надоѣла:

Кайданы - залѣзо ¹¹ ноги поврывало,
 Бѣле тѣло козацьке молодецьке коло жѣвтой ко-
 стѣй пошмугляло!“

Баша турецькій бусурманській,

Недовѣрокъ христіянській,

По рынку вѣнъ похожае;

Вѣнъ самъ добре тѣе зачуває;

На слуги свой, на Турки - янычаре зѣ - зла гукае:

„Кажу я вамъ, Турки-янычаре, добре вы дбайте,

Изъ ряду до ряду захожайте,

8. Извѣстно, какъ много перенесла страданій Южная Русь въ преж-
 ніе вѣка. Тысячи народа ея, непрестанно уводимыя въ полѣнь
 Татарами, томились въ тяжкой неволѣ въ Крыму и въ обѣихъ Тур-
 ціяхъ. Освобожденіе невольниковъ силою оружія и выкупъ ихъ
 деньгами — считались на Украинѣ святымъ дѣломъ, на которое и
 бандуристы вызывали своими думами.

9. *Хочай* — хотя; *агѣй* — авось, можетъ быть.

10. Слово *каторга* собственно означало галеру, на которой
 работали невольники и преступники.

11. *Кайданы* (съ арабс.) — кандалы. *Залѣзо* — желѣзо.

По три пучки тернины и червоной таволги ¹² набі-
райте ,

Бѣдного невольника по - тричи въ однѣмъ мѣсцѣ
затинаяте ! “

То тѣ слуги , Турки - янычаре , добре дбали ,

Изъ ряду до ряду захожали ,

По три пучки тернины и червоной таволги у ру-
ки набірали ,

По - тричи въ однѣмъ мѣсцѣ бѣдного невольника
затинали ;

Тѣло бѣле козацьке молодецьке коло жовтої ко-
стї обвивали ,

Кровь христїянську неповинно проливали . —

Стали бѣдны невольники на собѣ кровь христїянсь-
ку забачати ,

Стали землю турецьку , вѣру бусурманську клясти
проклинати :

„ Ты , земле турецька , вѣро бусурманська ,

Ты розлуко христїянська !

Не одного ты розлучила зъ отцемъ , зъ матѣрю ,

Або брата зъ сестрою ,

Або мужа зъ вѣрною жоною !

Вызволь , Господи ! всѣхъ бѣдныхъ невольникѣвъ

Зъ тяжкой неволї турецькой ,

Зъ каторги бусурманської !

На тихї воды ,

На ясны зорї ,

12. *Таволга*—прибрежный гибкій кустарникъ (собственно *spīraea*).

У край веселый,
 У міръ хрещеный,
 Въ города христiянскій!
 Дай, Боже! міру царському,
 Народу христiянському,
 Славу на многи лѣта! —

4.

Схватка съ Татаринѡмъ. ¹³

Ой дѣ-сь, ой дѣсь ¹⁴ за Килимомъ - городомъ коза-
 ченько гуляе;
 А зъ Килима - города Татаринъ поглядае.
 Загадавъ Татаринъ Татарцѣ пару коней сѣдлати,
 Да того козаченька доганяти.
 Якъ выбѣгъ Татаринъ, старый бородатый,
 На розумъ небагатый,
 Выбѣгъ того козаченька доганяти.
 „Ты козаченьку молодой,
 Пѡдъ тобою кониченько вороный!
 Колибъ я тебе пѡймавъ,

13. Удалой козакъ уходитъ отъ Татарина, отбиваясь отъ него *карбагемъ* (нагайкою); а между тѣмъ готовитъ ему пули, и давъ ему этотъ *гостинецъ* (такъ выражались встарину козаки; см. въ думѣ 10-ой), смѣется надъ его глупою похвалбою, что онъ козака еще не поймалъ, а ужъ и деньги за него сосчиталъ!

14. *Дѣ-сь*—гдѣ-то. *Килимъ*, безъ сомнѣнія, значитъ *Килию*, городъ при устьѣ Дуная, гдѣ сложилъ свою голову одинъ изъ первѣйшихъ героевъ Козачины — гетманъ Свирговскій.

Ябъ тебе у Килимъ - городъ запродавъ ,
И срѣбный за тебе гроши побравъ !¹⁴

А козаченько оглядается ,

И карбачемъ одбивается.

„Ой ты Татаринъ , старый бородатый ,
Да на розумъ небагатый !

Ты мѣжъ козаками не бувавъ ,

И козацькой каши не ѣдавъ ,¹⁵

И козацькихъ жартѣвъ не знаешъ....¹⁶

Де-сь у мене бувъ зъ кулями гаманъ ;

Яжъ тобѣ гостинця дамъ.“

Якъ ставъ ёму гостинцѣй посылати ,

Ставъ Татаринъ зъ коня похилати.

„Ой ты Татаринъ , старый бородатый ,

Да на розумъ небагатый !

Ище ты мене не поймавъ ,

Да ўже въ Килимъ - городъ запродавъ ,

И срѣбный за мене гроши побравъ !

Отъ-теперь твоего одного коня вороного

Поведу до шинкарки пропивати ,

А другимъ твоимъ конемъ воронымъ

По Килиму-городу гуляти !

Ой гуляти , гуляти , гуляти ,

Да единого Бога споминати !“

15. Это присловье козацкое : „Не пивъ воды дунайской ; не ѣвъ каши козацькой.“

16. *Жарты* — шутки.

17. *Куля*—пуля; *гаманъ*—кожаный 4-угольный плоскій кисеть.

5.

Козакъ Голота. ¹⁸

Да на Саворъ-могилѣ⁹ гулявъ козаченько, гулявъ,
 Да ниякого дива не выдавъ.
 „Ой долино - ялино! скільки я по тобѣ гулявъ,
 Да ниякого дива не выдавъ!“
 Ой на полѣ на Киліянськѣмъ
 На шляху на Ордынськѣмъ,²⁰
 То не ясный соколъ лѣтае,
 То козакъ Голота сердечный добрымъ конемъ гуляе.
 Ой ставъ Татаринъ къ ёму пріѣзжати,
 Порошку на полку посыпати;
 Сердечного козака Голоту сѣче да рубаетъ;
 Голота нагайкою стрѣлы одбиваетъ.

18. Вотъ еще подобная схватка. Козакъ отбивается нагайкою отъ пуля или стрѣлъ Татарина, и осмѣиваетъ его съ головы до ногъ, уже не по разуму, а по одѣжѣ его; между тѣмъ и самъ козакъ—*голота* (голытьба). Впрочемъ это имя могло быть фамиліей козака. При началѣ войнъ Хмельницкаго, былъ козацкій полковникъ *Голота*, убитый въ Сентябрѣ 1649 г.

19. Южная Русь съ незапамятныхъ временъ усыяна курганами или могилами, памятниками древнѣйшихъ ея обитателей. Многія украинскія могилы поминаются и въ нашихъ древнихъ лѣтописяхъ, на прим. *Черная, Перепетовы*. Въ украинской поэзіи представительницею степныхъ могилъ избрана *Саворъ-могила*, на лѣвой сторонѣ Днѣпра, гдѣ-то невдалекѣ р. Самары (см. дума 7).

20. Ненагулявшійся на Саворъ-могилѣ козакъ, отправился на знаменитое поле *Киліанское*, по дорогѣ *ордынской* (между Днѣстромъ и Дунаемъ).

„Гей ты, Татарюго, сѣдый бородатый,
На що ты ўповашь?

Чи на свою шапку - бирку,
Що шовкомъ шита,
Вѣтромъ по́дбита,
А зверху дѣрка? ²¹

Чи на свой постолы бобровы,
Що волóки шовковы,
Въ - оди́сталь зъ валу? ²²

Чи на свою сермягу семилатную? ²³
Гей старый бородатый,
Да кому Богъ поможе! „.....“ ²⁴

„Ой ты Саворъ - могило! скóльки я гулявъ,
Да такой добычѣй не добувавъ!“

21. Шапка *бирка* — смушковая, овчинная. Она съ дыркою сверху: отъ того и *вѣтромъ подбита*!

22. *Постолы* — кожаная обувь, въ родѣ лаптей; завязки на нихъ называются *волóками*. Въ насмѣшку названы постолы *бобровыми*; а волóки — *шелковыми*; между тѣмъ какъ онѣ изъ простаго несученаго *валу* (т. е. нитки, спряденной изъ охлопковъ). *Въ-оди́сталь* значить въ одну *сталку*; а *стáлкою* называется каждая простая нитка, и каждая изъ тѣхъ бичевокъ, изъ которыхъ свита веревка.

23. *Сермяга* (слово общерусское) означаетъ свиту сѣраго сукна. *Семилатною* называется шуточно изношенная свита въ *латкахъ* (т. е. въ заплаткахъ). Есть и пословица: „на свитѣ стóлько лать, якъ у селѣ хать.“

24. Здѣсь подразумѣвается, что козакъ, съ помощью Божіей, полонить Татари́на, и приводитъ въ козацкій таборъ.

„Прошу я тебе, братіку мій рідненькій,
Якъ голубонько сивенькій!

Добре ты учини:

Хочь изъ рѣчки Самарки,
Або зъ крыницѣй Салтанки,
Холодної воды зайди,

Раны мѡй постреляны да порубаны окропи, охоло-
ди!“

То середульшій братъ тее зачуває,

До ёго словами промовляє:

„Братіку мій рідненькій,
Якъ голубонько сивенькій!

Чи ты менѣ, брате, вѣры не доймаешъ,

Чи ты мене на смѣхъ пѡддймаешъ!

Чи не одна насъ шабля порубала?

Чи не одна насъ куля постреляла?

Що маю я на собѣ девять ранъ — рубаны широкі,
А чотырї стреляны глыбокі!

Такъ мы дѡбре, брате, учинѣмо,

Свого найменьшого брата попросѣмо:

Нехай найменьшій братъ добре дбае,

Хочь на вкѡлѣшки вставає,

Вѡйськову сурѣмку въ головахъ достягае,²⁶

У вѡйськову сурѣмку добре грае, програває;

Нехай бы насъ стали страннї козаки зачувати,

До насъ дохожати, смерти нашої доглядати,

Тѣло наше козацьке молодецьке въ чистѡмъ полѣ
поховати!“

26. *Сурѣмка* или *сурма* (съ персид. *суриа*) — труба.

То наименьшій братъ тее зачувае,
 До старшихъ братѣвъ словами промовляе:
 „Братѣи мой рѣдненькѣи,
 Якъ голубоньки сивенькѣи!
 Не есть се насъ шабля турецька порубала;
 Не есть се насъ куля янычарська постреляла:
 А есть се отцава й панѣи - мѣтчина молитва пока-
 рала!
 Якъ мы увѣ охотне вѣйсько одъ отца одъ матерѣи
 одъ роду одъѣзжали,
 Мы зъ отцемъ зъ матерѣю и зъ родомъ опрошенья
 не брали!
 А якъ противъ церкви, дому Божого, проѣзжали,
 Мы шапокъ зъ головы не знѣмали,
 Милосердного Бога на помочъ не прохали!“

7.

Побѣгъ трехъ братьевъ изъ Азова. ²⁷

Изъ города изъ Азова, не великѣи туманы вставали:
 Три брата рѣдненькихъ зъ тяжкой неволѣи утѣкали.
 Два кѣнныхъ, третѣи пѣшѣи за ними пѣдбѣгае;
 На сырѣ корѣнья,
 На бѣле камѣнья,
 Нѣжки свой козацкѣи поѣлкае,

27. Вотъ еще дума о трехъ братьяхъ, прекрасная по живому изображенію вѣншей природы и внутреннихъ движенѣи душевныхъ.

Кровью слѣды заливає;
 До конныхъ братѣвъ добѣгае;
 Словами промовляє:
 „Станьте вы, братця! коней попасѣте,
 Мене подождѣте,
 Съ собою вѣзьмѣте,
 До городѣвъ христіанськихъ подвезѣте!“
 То середульшій тее зачувавъ, старшого пытавъ;
 То старшій ёму словами промовлявъ:
 „Чи щѣ-жъ тобѣ не далася тяжкая неволя знати?
 Якъ будемъ мы брата дожидати,
 Буде насъ погоня доганяти,
 Буде насъ стреляти, рубати;
 Або въ тяжкѣй роботѣ будемъ пропадати!“
 „Коли-жъ мене, братця, не хочете ждати —
 Ставъ меньшій промовляти:
 То прошу васъ, братця, на праву сторону звер-
 тайте,
 Шаблі изъ пѣхвъ²⁸ вынімайте,
 Тѣло мое порубайте,
 Въ чистѣмъ степу поховайте,
 Звѣру да птицѣ на поталу²⁹ не дайте! —
 То середульшій тее зачувавъ,
 Словами промовлявъ:
 „Сѣго, брате, зроду нїгдѣ не чували,
 Щобъ рѣдною кровью шаблї обмывали,
 Або гострымъ списомъ²⁸ опрощенїе брали!“

28. *Пѣхва* — ножны. *Списъ* — копье.

29. *Потала* — сѣдѣнїе; обида, напасть.

„Коли-жъ не хотите, братця, мене рубати;
То прошу васъ, братця, якъ будете до байракѡвъ³⁰
прибувати,
Терновы вѣтки въ запѡлье рубайте,
Менѣ признаку покидайте!“ —

То ўже два козаки въ байраки вѣзжае;
Середульшій братъ милосердіе мае;
Верховѣтъя у тернѡвъ стинае,
Меньшому брату примѣту покидае.
А якъ стали на Муравскій шляхъ³¹ выѣзжати,
Нѣчимъ ёму признаки покидати;
Вѡнъ червону китайку съ - пѡдъ жупана выдирае,
По шляху роскидае,
Меньшому брату примѣту оставляе.
То якъ ставъ пѣшеходець изъ тернѡвъ выходити,
Ставъ червону китайку находити:
У руки хапае, дрѡбными слѣзами обливае.
„Недурно,³² промовляе, червона китайка по шля-
ху валяе;
Мабуть мойхъ братѡвъ на свѣтѣ немає!
Мабуть за ними зъ города Азова погоня вставала,
Мене въ тернахъ на спочивѣ минала,

30. *Байракъ* — буеракъ. Многіе изъ тѣхъ байраковъ извѣстны издавна съ собственными именами, на прим. *Кощь-бояракъ* (въ Книгѣ Большаго Чертежа).

31. *Муравскій шляхъ* — главная дорога изъ Крыма на Русь; шла отъ Перекопа на Ливны и Тулу (см. въ Книгѣ Большаго Чертежа).

32. *Недурно* — недаромъ.

Братѣвъ мойхъ доганяла,
 Стреляла, рубала!
 Колибъ менѣ Богъ
 Милосердный помогъ
 Тѣло козацьке знаходити,
 Въ чистѣмъ степу хоронити!“
 Що одно безвѣдьє,
 Друге безхлѣбье,
 Трете буйный вѣтеръ въ полѣ повѣває,
 Бѣдного козака изъ нѣгъ валяе.
 „Ой годѣжъ менѣ за кѣнными братами уганяти;
 Часъ менѣ козацькимъ ногамъ пѣльгу ³³ дати!“
 То тее промовлявъ, до Саворъ-могили прибувавъ,
 Пѣдъ Саворъ-могилою спочивавъ.
 Въ той часъ сизы орлы налѣтали,
 Пильно ³⁴ въ очі козаковѣ заглядали.
 Козакъ тее забачае,
 Словами промовляє:
 „Орлы сизопѣры,
 Гості мой милы!
 Прошу я васъ тогдѣ налѣтати,
 Зъ лоба очі менѣ высмекати, ³⁵
 Якъ не буду я свѣта Божого видати!“
 То тее промовлявъ,
 За часъ, за годину, милосердному Богу душу оддавъ.

33. *Пѣльга* — льгота (также подкладное бревно для скатки колоды).

34. *Пильно, спильно* — пристально.

35. *Смекати* — дергать.

Тогдѣ орлы налѣтали,
Зѣ лоба очі выскыкали.

Тогдѣ ще й дробна птиця налѣтала,
Коло жовтой кості тѣло оббѣрала.

Вовки - сѣроманьці ³⁶ набѣгали,

Тѣло козацьке рвали,

По тернахъ, по балкахъ ³⁷ жовту кость жваковали,
Жалобненько квилили, проквѣляли:

То жѣ воны козацькій похорони одправляли!

Дѣ-ся взялась сиза зозуленька;

Въ головкахъ сѣдала, жалобно ковала;

Якъ сестра брата, або мати сына, оплакала.—

Стали кѣнны браты до городѣвъ христѣянськихъ
доѣзжати;

Стала къ ѣхъ сердцямъ велика туга налягати.

То середульшій братъ до старшого брата словами
промовляе:

„Недурно къ нашимъ сердцямъ важкая туга на-
лягае:

Мабуть нашего брата живого на свѣтѣ немає!

Якъ будемо, брате, до отця й матері прибувати,

Якъ будуть воны насъ пытати,

То що станемо казати?“

То старшій братъ тее зачуває,

До середульшого словами промовляе:

36. *Сѣроманецъ* — сѣрякъ (названіе, придаваемое волку).

37. *Балка* — степной оврагъ.

„ Скажемъ : не ў одного пана въ неволѣ бували,
 Ночної doby ³⁸ зъ неволѣ ўтѣкали,
 Его сонного будили не збудили,
 Тамъ ёго въ неволѣ й зостановили ! “

То середульшій братъ тее зачуває,
 До старшого брата словами промовляє :
 „ Якъ не будемъ отцю й матері правды казати,
 То буде насъ отцевська й матеріньська молитва
карати ! “
 Тогдѣ старшій браты на поля Самарськѣ выѣзжа-
ють,
 Надъ рѣчкою Самарською опочивку собѣ мають,
 Кóней попасають.

Въ той часъ безбожный бусурманы набѣгали,
 И тихъ двоухъ братѣвъ порубали ;
 Тѣло козацьке карбовали , ³⁹
 Въ чистѣмъ полѣ роскидали ,
 Гóловы на шаблѣ здѣймали,
 Довго глумовали ! “

38. *Доба* — пора, время.

39. *Карбовати* — рубить, пластать.

40. *Глумовати* — насмѣхаться, потѣшаться.